

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

который с особой яркостью проявлялся в его переводах с самых разнообразных языков, как восточных, так и западных, начиная от произведений венгерца Петёфи и кончая индусом Асвагаша.

Над переводом Хайяма Гавронский работал в последний год своей жизни (1925—1926), тяжко больным, частью в Бретани, где он искал облегчения своим страданиям, частью у себя на родине. Перевод каждого четверостишия сопровождается точной датой окончания его обработки. Всего в его бумагах был найден перевод 54 четверостиший — количество небольшое, но искупаемое высоким качеством художественной отделки. Этому «венку» самим переводчиком было придано известное единство — он расположил четверостишия по алфавиту первых букв. Исключение представляет помещенное последним (стр. 121), в котором переводчик в окончательной редакции слово с буквы Z заменил началом с А. Первое четверостишие (стр. 13) принадлежит не Омару Хайяму, а Хакани и по своей идее служит как бы введением ко всему «венку».

Относительно источников и приемов переводчика в издании никаких указаний нет, очевидно, их не сохранилось и в бумагах. По существу это не важно, так как несомненно, что научных целей специального исследования Гавронский при переводе себе не ставил; художественное воспроизведение оригинала было его основной задачей. Задача эта решена, можно сказать, блестяще: при большой точности перевода, ему удалось сохранить и форму оригинала. Рифма соблюдается в том виде, как она дается персидскими рубā'й — ааба, сохраняется обыкновенно даже соответствующее подлиннику число слогов в каждом стихе. Несомненно, что для всякого польского читателя, даже незнакомого ни с персидским языком, ни с персидской поэзией, перевод дает совершенно адекватное представление об оригинале. Литературный талант Гавронского ручается, что его работа стоит на высоте лучших оригинальных произведений польской поэзии. (Подробный анализ перевода дан Т. Ковальским в статье *Omar Chajjām, Przegląd Współczesny*, 1934, № 149 — 150, переизданный с дополнениями в его сборнике *Na szlakach Islamu, Kraków*, 1935, 176 — 183).

Издание выпущено двумя востоковедами Я. Чекановским и Е. Курьловичем, которые предпослали небольшое вступление (стр. 5—8)

с общей характеристикой деятельности Гавронского (стр. 5—6), некоторыми сведениями об О. Хайяме (стр. 6—7) и значении перевода (7—8). Едва ли надо было в этом предисловии упоминать анахронистическую легенду о связи О. Хайяма с сельджукским везирем Низām ал-мулком и основателем секты ассасинов Хасаном ибн ас-Саббахом. Повидимому, издателями же дано несколько пояснительных примечаний к переводу (стр. 123—124). Перевод издан роскошно: каждое четверостишие помещается на отдельной странице справа и предваряется воспроизведением изящной оригинальной заставки из образцов персидского орнамента. В начале и в конце на отдельных страницах даны два оригинальных рисунка персидского стиля. Все экземпляры пронумерованы.

И роскошная внешность строгого стиля и пиетет, с которым выполнено издание, делают одинаковую честь издательству имени Оссолинских во Львове, выпустившему книгу, и Польскому Обществу ориенталистов, члены которого содействовали появлению перевода в достойном виде.

И. Крачковский

11—13 мая
1934 г.

Die Ausgrabungen der zweiten Ktesiphon-Expedition. Winter 1931—1932. Staatliche Museen in Berlin — Metropolitan Museum of Art, New York. Berlin, 1933, 8°, IV + 35 стр. + 54 рис. в тексте и на таблицах + 1 карта.

Работы первой немецкой археологической экспедиции в Ктезифоне зимой 1928—1929 гг., заметка о которой на основании предварительного отчета О. Reuther помещена в предыдущем выпуске «Библиографии Востока», сильно подвинули изучение топографии Ктезифона и Селевкии. Для исследования искусства и культуры сасанидов и ранне-мусульманского периода открылись новые горизонты, но ряд сложных проблем мог быть только намечен. Разработку части их и дальнейшие изыскания приняла на себя вторая экспедиция 1931—1932 гг., предварительный отчет которой напечатан в Берлине в 1933 г. Как видно из предисловия Е. Kuhnel (стр. III—IV), экономические затруднения заставили Германию отказаться от самостоятельной экспедиции, объединить германские средства и археологические силы с американскими в лице сотрудников Metropolitan Museum в Нью-Йорке.

Под общим руководством Е. Kühnel, участника первой экспедиции, функции во второй экспедиции были разделены между ее членами следующим образом. Раскопками руководил германский профессор Dr. F. Wachtsmuth (Marburg) с помощью архитектора Walter Houser, члена египетской экспедиции Metropolitan Museum. Классификация находок лежала на Joseph M. Urton из ближне-восточного отдела Metropolitan Museum. Техническую работу и фотографирование исполнял O. Puttrich-Reignard.

Работы начались 4 XI 1931 г.; 11 II 1932 г. произошел отбор находок для Багдадского музея, а 3 VI 1932 г. все, предоставленное экспедиции, было разделено при участии Е. Kühnel и Dr. Dimand между берлинским и нью-йоркским музеями. Таким образом, материал распределен, по соглашению сторон, между тремя странами (Ирак, Германия, США).

Имея до 500 рабочих, экспедиция не могла разбрасываться по всей огромной территории и ограничилась раскопками в 3-4 пунктах, на восток от Тигра: в районах дворца (Та^q1), Холма гиев, Золотого холма, Um Za'atir и Ma'aridh. Первая экспедиция коренным образом изменила прежние представления о плане дворца и его окружении (восточное крыло, «южное» сооружение на Холме гиев). В центре внимания второй экспедиции было изучение сасанидских жилищ (вилла) и некоторых зданий дворцового района в поздней части Ктезифона.

В небольшом отчете Friedrich Wachtsmuth последовательно и очень сжато изложен ход интереснейших открытий (Die Baufunde, стр. 1—16).

Квадратный Золотой холм (стр. 3—4), кроме одной золотой пластинки (стр. 30), не дал экспедиции драгоценного металла, вопреки рассказам местных арабов; зато в нем обнаружен квадрат (138 м сторона, рис. 1) оригинально и симметрично построенных стен из сырца, со втянутыми широкими и узкими языками простенков и широкими (4 м) открытыми лестницами со встречными маршами у середины каждой наружной стороны. Внутри стен оказались остатки асимметрично расположенного тесного поселения, с узкими улочками (стр. 3); только в центре тщательные постройки прямоугольного плана богаче отделаны. В них найдены две штукковые плиты с рядами рельефных гранат

¹ Здесь, как и в остальных случаях, сохранена транскрипция арабских названий, согласно отчету.

(стр. 3, 22, рис. 18) и крестом; последний признак побудил приписать жилище христианке, супруге Хосроя II.

В руинах Um Za'atir, к северо-востоку от дворца, где первой экспедицией была найдена рельефная орнаментика, экспедиция обследовала остатки комплекса зданий (стр. 4—6, план рис. 2) и ряд построек возвышенности Ma'aridh к северу от деревни (стр. 6—11, рис. 3—6). Эти работы позволили установить много технических и конструктивных деталей, а также особенности сложных планов сасанидских жилых построек. Крупную роль играли, повидимому, дворы с глубокими, симметрично расположенными ливанообразными нишами (рис. 2 — Um Za'atir, рис. 5 — Ma'aridh IV). В сгруппированных около дворов помещениях установлена последовательность длинных и квадратных покоев; комбинация длинного и квадратного плана соблюдена и там, где дворы не найдены (Золотой холм, Ma'aridh II). В конце длинных сводчатых помещений устраивались ниши, тщательно отделанные рельефами из штука; остальные комнаты оштукатуривались просто. В плане Ma'aridh IV Т-образные пространства показали (стр. 9—10, рис. 5), что эта форма, считавшаяся до сих пор раннемусульманской (Самарра, Ухайдир), известна была уже сасанидским зодчим. Очень характерны также узкие коленчатые корридоры с темными закоулками.

Из архитектурных деталей очень интересна двойная, подковообразная арка (Ma'aridh II, рис. 4) на полуколоннах, своды и внутренние опоры в виде столбов и колонн из оштукатуренного кирпича (Ma'aridh I, II, IV, рис. 3, 5, 6, 12, 14).

К западу от дворца, на оси с его серединой и б. церковь в западном Ктезифоне, открыты остатки здания, по деталям которого (кирпичная кладка каналов и глиняные трубы водопровода, печь, колодец, лежанка) определено его назначение для бань (стр. 12—13, план рис. 7). В 20 м от дворца найдены следы намеренно разрушенного сасанидского здания.

Все постройки Ктезифона были возведены на искусственном слое глины. Кирпичные стены были только в районах дворца, сырец был применен повсеместно и параллельно с ним — штукатурка; однако, в архитектурных деталях (колонны, арки, архивольты, валики и т. п.) кирпич играл существенную роль. Полы были многослойные, с чередованием глины, гипса,

жженого кирпича и верхнего слоя гипса, в общем до 34 см толщины (стр. 14—15).

Кроме выяснения устройства сасанидского жилища, экспедиция занималась уточнением назначения штукатурной отделки зданий, роскошные образцы которой были найдены еще 1-й экспедицией и в еще большем количестве во время второй. Отчет об этой части работ составил E. Kühnel (Baudekor und Kleinfunde, стр. 16—31). Как показали раскопки, рельефный шпук употреблялся исключительно для украшения сводов и ниш приемных помещений, с частью прилегающей стены. J. Urton дал на рис. 8 достаточно убедительную реконструкцию орнамента арки восточного ливана во дворе руины Um Za'atir, с соблюдением некоторой аналогии Таq i Bostan'u (жгуты лент с развешивающимися концами). Тут особенно замечательны изображения медведей и кабанов в камышах (рис. 26—27), которые по экспрессии могут конкурировать с лучшими произведениями сасанидской торевтики. В нише западного ливана, по другую сторону двора, находились пластины с павлинами или песарками в кругах и пехлевийский девиз в крылатой пальметке (стр. 19, ср. O. Reuther, Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon-Expedition im Winter 1928—1929, рис. 16).

Архитектурный орнамент отличается не только разнообразием форм, начиная с геометрических (меандр, ромбы и др., рис. 23, 25, 33), кончая фигурными, но также удивительной красотой и тщательностью работы. Пальметки, розетки и цветы в виде фризов, волнообразного побега (рис. 19, 23), непрерывный узор сплошных полей рядами (гранатные узоры, рис. 18—20) или пашками (рис. 42), умелое сочетание растительных элементов с геометрическими (гранатные розетки, рис. 17, гранатные кресты, рис. 19, пальметные сквозные розетки, рис. 41) говорят о роскоши сасанидских домов. Замечательны также полустатуарные фигуры, с сильным впечатком эллинистического искусства (танцовщицы, рис. 34, 35, 39, лежащий юноша, рис. 36, обломки Пегаса, рис. 37 и др.).

Штукатурные рельефы играли, повидному, доминирующую роль в отделке сасанидских жилищ; это подтверждают аналогичные с ктезифонскими новейшие находки в Дамгане и Кише (стр. 18, 19, прим. 1; 24—25); но декоративные средства отнюдь не исчерпывались ими. В Ктезифоне найдены остатки фигурной росписи (в банях и Ma'aridh I — на своде, стр. 25—26) по гипсу, в черных контурах несколькими силь-

ными красками, со следами позолоты. Типы лиц исследователь сопоставляет с одной стороны с Самаррой, с другой — с некоторыми турфанскими росписями (стр. 25, 1). Мозаика (стр. 14, 26), перламутр и в виде инкрустации, ваз и дисков, облицовка мрамором и цветными стеклянными плитками, показывают какими широкими возможностями располагали сасанидские зодчие.

По количеству и качеству сасанидская керамика из руин Ктезифона сильно уступает парфянской, и ранне-мусульманской, но при редкости образцов самая простая, скромная посуда очень ценна (стр. 28). Фаянс с зеленой свинцовой глазурью сохранил месопотамские традиции, продолжавшиеся и в мусульманском периоде, кроме того есть обломки более красивых типов: розовато-белые и с сине-зелеными пятнами (стр. 28—29). Еще не прочитаны еврейские, мандейские и пехлевийские тексты закладных чаш. Достаточно разнообразными оказались также стеклянные изделия (стр. 29—30).

Монетные находки (стр. 26—28) довольно многочисленны и охватывают громадный период, начиная с парфянских, ряда сасанидских, кончая омайядскими и аббасидскими 157 и 166 г. х. На стр. 27 отмечена редкая медная монета 121 г. х., чеканенная в Васите; она особенно любопытна для нас как почти ровесница найденного недавно в Таджикистане арабского документа.

Анализ архитектурных форм и декорации, по мнению F. Wachsmuth (стр. 14, ср. резюме на английском языке M. S. Dimand, стр. 34), заставляют отнести все сасанидские руины, независимо от монетных и прочих находок, к поздне-сасанидскому периоду, VI—VII вв. н. э. Датировка зданий по монетным находкам (E. Kühnel, стр. 26 сл.) затрудняется разнообразием монет в одном и том же пункте, например, Йездегерда I (397—417 гг.) и Хосроя II (590—628 гг.) в Um Za'atir.

Изучение парфянского и ранне-мусульманского периода не входило в программу второй экспедиции. Однако, был сделан ряд открытий и пополнены материалы также ранне-мусульманского времени. Кроме упомянутых монет, в районе мусульманского поселения Avfanabr (стр. 14; ср. O. Reuther, op. cit., рис. 1, план городища, O—P, V) важны остатки мечети. В противоположность сасанидским, в мусульманских руинах мало штукатурной орнамен-

тики. По предположению Е. Kühnel (стр. 22), усиленное изъятие кирпича населением впоследствии привело к ее уничтожению. Слабо представленные рельефы компенсировались множеством керамических остатков как во время первой, так и второй экспедиции. Простой перечень типов, техники, тональностей, а также сопоставление с материалами из Самарры и Суз (стр. 29) позволяют судить о высоком мастерстве ранне-мусульманских керамистов в Ираке. Интересны также образцы импортированного, подобно Самарре, танского селадона из Китая (ср. В. А. Крачковская, рец. на Friedrich Sarre, *Die Keramik von Samarra*, ЗКВ, т. II, Ленинград, 1926, стр. 213).

Первой экспедицией была затронута очень интересная проблема локализации *Weh Antiokh* — поселения уведенных Хосроем II антиохийцев. О. Reuther (op. cit., стр. 37) склонен был искать их в *Bustān el-Kisra*, на юго-восток от дворца и ставил в связь с этими руинами Золотой холм. Как было упомянуто выше, в последнем найдены рельефы с гранатами и крестом, а кроме того несколько медных византий-

ских монет и золотая монета Ираклия (610—641 г., стр. 27) в *Ma'aridh II*. При таких данных «антиохийская» проблема становится все заманчивее: не только изображение креста надо ставить в связь с христианскими насельниками зданий Золотого холма, но может быть и гранатовый орнамент. Во всяком случае желательно, чтобы со временем история гранатового орнамента в Ктезифоне была прослежена глубже, памятуя ее прочность в позднейшей христианской орнаментике, особенно в Ани (см. Н. Я. Марр, XI Анийская археологическая кампания, Т. Р., т. XIII, стр. 4, 26, 57; Г. Н. Чубинов, Отчет Анийского музея древностей за 1916 г., Анийские Древности III, Петроград, 1918, стр. 20 сл.).

Строго-деловой отчет второй Ктезифонской экспедиции по своим достоинствам вполне соответствует захватывающим вопросам ее работ. Несомненно, что полное опубликование собранных материалов не только подвинет, но и значительно изменит современное представление об эпохе сасанидов.

В. А. Крачковская